

ВОПРОС О ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЕ СЛОВА И ЭТИМОЛОГИИ

Ковалева А.И.

Белорусский государственный университет

Внутренняя форма слова (ВФС) является функционально значимым элементом семантической структуры слова, объясняющим связь его звучания и значения [1, с. 61]. Однако обилие трактовок ВФС, существующих в современном языкознании, приводит к тому, что иногда ее отождествляют с этимологией, мотивацией и даже лексическим значением.

Отсутствие дифференциации между ВФС и этимологией слова имеет своим истоком определение ВФС, предложенное ещё А.А. Потебней, который дал импульс к изучению этого феномена в русском языкознании – «в слове мы различаем: внешнюю форму, то есть членораздельный звук, содержание, объективируемое посредством звука, и внутреннюю форму, или ближайшее этимологическое значение слова, тот способ, каким выражается содержание» [2, с. 175]. Примеры, приводимые Потебней в качестве иллюстрации восстановления ВФС (*туча* от «ту» в значении 'пить' и 'лить', *стол* – от *стлать*, *облако* – 'покрывающее' и т.п.), подтверждают эту мысль учёного.

Однако в работе А.А. Потебни «Мысль и язык» можно найти и противоречащие данному положению утверждения: «внутренняя форма слова, произнесённого говорящим, даёт направление мысли слушающего...» [2, с. 180], «она (ВФС) показывает, как человеку представляется его собственная мысль» [2, 115]. Также, поскольку учёный предполагал наличие ВФС в окказиональных метафорических номинациях, свойственных детской речи, по отношению к которым нет возможности говорить об этимологии, и считал ВФС необходимой составляющей художественного текста, следует признать, что Потебня рассматривал ВФ широко: и как этимологическую основу наименования, и как толчок к пониманию слова (соответственно, синхронное апперцептивное явление). Следовательно, А.А. Потебня, говоря

о ВФС, «имел в виду в первую очередь способ образования имени при его синхроническом рассмотрении, а не обязательный учёт всех его этимологических особенностей» [3, с. 59].

Для лингвистики XX в. вопрос о соотношении ВФС и этимологии остался нерешённым. Т.Р. Кияк, занимавшийся изучением данной проблемы, дифференцировал эти понятия, отмечая, что различие между ними состоит в том, что «последняя рассматривается... безотносительно к синхронному состоянию лексического значения, в то время как внутренняя форма, имманентно присущая каждому слову, не всегда имеет для носителя языка скрытый характер...» [3, с. 60]. Осознание естественной связи между ВФС и этимологией привело Кияка к мысли о делении ВФС на этимологическую и узуальную. Под первой он понимал ту, которая обнаруживается путём специальных исследований на определённом этапе развития языка, вторую расценивал как ВФ, функционирующую в языке в настоящее время [3, с. 60]. Среди узуальных ВФС ученый предлагает также выделять ВФС эксплицитные и имплицитные. Первые – это ВФ производных слов. Имплицитные же представлены в непроданных словах, «первозданной лексике». Выделение Кияком имплицитной ВФС базируется на одном из определений Потебней ВФС как «образа образа», а также тезисе Е.М. Галкиной-Федорук о том, что ВФ – сохранившееся в слове представление о первичном признаке, находящемся в основе понятия [4, с. 124]. Таким образом, по мнению учёного, выделение имплицитных ВФС необходимо, поскольку, в отличие от эксплицитных, они не выражены материально, но представлены образом, который через один или несколько признаков репрезентует условную дефиницию слова в голове у носителя языка.

Однако определение этимологической ВФ, данное Т.Р. Кияком, обнаруживает значительное сходство с этимоном – понятием, которое уже прочно закрепилось в лингвистике. Выделение же имплицитной ВФС, которая не имеет материального выражения, ставит под сомнение апперцептивную природу данного феномена, отмеченную ещё Потебней.

Если же принимать наличие имплицитной ВФС, то её на фоне эксплицитной ВФС следовало бы именовать иначе, представить явлением иного порядка, поскольку не совсем корректно образ, мысленное представление ставить в один ряд с формально выраженным в слове следом предыдущей в словообразовательной цепи лексемы.

По мнению украинского исследователя В.Н. Манакина, вопрос о соотношения ВФС и этимологии остаётся дискуссионным до сих пор. Сам учёный придерживается того мнения, что этимология – плоскость исследовательского порядка, которая касается не самого принципа номинации, а выявляет исторически затемнённые первоосновы наименования [5]. Это значит, что этимология приближает учёного-этимолога к первичному образу – внутренней форме, которую на синхронном уровне декодировать сложно или невозможно. Тогда разницу между противопоставляемыми понятиями можно выразить следующим образом: ВФС – это живой признак номинации, который осознаётся носителями языка, а этимология – забытая ВФС [6, с. 243].

Дефиниции, зафиксированные в лингвистических словарях, подтверждают данное положение. По словарю Ахмановой [7], этимология – это 1) раздел языкознания, изучающий происхождение и историю отдельных слов и морфем; 2) происхождение и история слов и морфем. Следовательно, этимология замыкается в рамках диахронии и не может быть обнаружена современным носителем языка без специального научного изучения. И если за основу размышления о ВФС брать слова А.А. Потебни о том, что ВФС «даёт направление мысли слушающего, но она только возбуждает этого последнего, даёт только способ развития в нём значений...» [2, с.180], то совершенно очевидной становится её привязка к синхронии. В диахронических работах используется термин этимон, который толкуется как первоначальная форма (или значение) слова, его исходный или основной вид, мыслимый как правильный, исконный, настоящий [7]. Таким образом, использование термина «внутренняя форма слова» в этимологических

работах становится излишним, поскольку в данной ветви языкознания уже есть подходящий термин, соответствующий сфере его использования не только содержательно, но и, отметим особо, связанный словообразовательными связями с названием области его употребления. Иногда говорят о существовании «живой», «прозрачной» ВФС [8, с. 152], однако данное определение представляется нам избыточным, поскольку, в отличие от этимона, ВФС – явление живое. При условии её непрозрачности она превращается в этимон.

Следовательно, ВФС нельзя отождествлять ни с этимологией, ни с этимоном, так как ВФС, в отличие от этимологии, не является процессом восстановления исконной формы слова и в целом не имеет отношения к диахронии. Таким образом, можно говорить о том, что ВФС – это тот же этимон, взятый, однако, в синхронном отношении.

Литература

1. Блинова, О.И. Мотивология и ее аспекты. – Томск, 2007. – 394 с.
2. Потенция, А.А. Эстетика и поэтика. – М.: Искусство, 1976. – 616 с.
3. Кияк, Т.Р. О «внутренней форме» лексических единиц // Вопросы языкознания. – 1987. – № 3. С. 58 – 68.
4. Галкина-Федорук, Е.М. Слово и понятие в свете учения классиков марксизма-ленинизма // Вестник Моск. гос. ун-та. – 1951. – № 9. – С. 124 – 126.
5. Манакин, В.Н. Сопоставительная лексикология. – К.: Знания, 2004. – 326 с.
6. Варина, В.Г. Лексическая семантика и внутренняя форма языковых единиц // Принципы и методы семантических исследований. — М., 1976.
7. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 608 с.
8. Левковская, К.А. Теория слова, принципы её построения и аспекты изучения лексического материала. – М.: Высшая школа, 1962. – 296 с.